

Процессия:

Корыта и сита пусть будут полны,
Твой хлеб да будет богат,
Пусть не сможет срезать его коса⁵³.

Это женское божество в различных районах называется по-разному. Имя Нурин было распространено в областях восточной Армении. Повидимому, эта форма имени явилась наиболее распространенной в древности⁵⁴.

Интересны рассуждения Дж. Фрезера о почитании духа дерева, аналогичного духу растительности. «Дух дерева, — пишет автор, — часто представляется отдаленным от дерева, облеченным в человеческий образ. Однако существует весьма поучительная категория случаев, когда дух дерева представляется одновременно и в растительном и в человеческом облике, когда растительная и человеческая форма, сосуществуя рядом, как бы объясняют одна другую. В этих случаях человеческая форма духа дерева может приобрести вид куклы, марионетки или личности. Во всех этих случаях, однако, к этому образу обязательно присоединяется дерево или ветка — одна перевод другой»⁵⁵.

Подтверждением такого изображения духа растительности в Армении является один из вариантов почитаний той же богини плодородия под именем Мама-чичи. Во время засухи в армянском селении собиравось от десяти до двадцати старух, из них выбирали наиболее здоровую и крепкую, ее раздевали, оставляя только в нижнем белье, затем давали ей в руки большой деревянный крест, на который набрасывали сверху белую рубашку, покрывавшую не только крест, но и женщину до самых пят. Процессия во главе с Мама-чичи ходила от дома к дому, собирая дары. Потом изображавшую ее старуху обливали водой, она же должна была все время молчать, может быть, как статуя⁵⁶.

Тот факт, что женщину, изображавшую Мама-чичи, раздевали первоначально, очевидно, донага, дает основание думать, что и богиня представлялась обнаженной. Крест же воспроизводит образ дерева. Так, Григорий Татеваци, автор XIV в., рассматривает крест как древо жизни, а в древе жизни видит идею креста⁵⁷. Процветший крест, параллель древу жизни, первоначально сочетавшемуся с представлением о богине-матери, широко представлен на армянских надгробиях-хачкарах (кресткамнях), где он изображается как символ воскресения.

Пережиточно образ обнаженного женского божества в связи с деревом сохранился в армянских сказках, с содержанием которых меня познакомил В. А. Бдоян. Согласно одной из них, бродившая в лесу красавица сирота остается голой. Сын короля находит ее на дереве, одевает и женится на ней. В другой сказке та же обнаженная девушка становится женой королевича, но у нее есть соперница, которая из зависти бросает ее в море и сама выходит замуж за королевича. Брошенная же в море молодая женщина превращается в чинару. Вторая жена требует, чтобы эту чинару срубили и сделали из нее колыбель для ее ребенка.

⁵³ В. А. Бдоян. Некоторые пережитки земледельческого культа у армян. Ереван, 1950 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 50—52.

⁵⁴ В. А. Бдоян связывает его с именем Цовинар, в которое входит понятие моря (пов) и женского божества Нар.

⁵⁵ Дж. Фрезер. Указ. соч., вып. I, стр. 152.

⁵⁶ В. А. Бдоян. Армянские народные игры, т. I. Ереван, 1963 (на арм. яз. с русск. резюме), стр. 163, 164.

⁵⁷ А. Ш. Мнацаканян. Указ. соч., стр. 188 со ссылкой на кн.: Григорий Татеваци. Книга вопросов. Константинополь, 1729 (на арм. яз.), стр. 768.